

Люциус снова вспомнил события ещё более далёкие.

Например, историю с Тайной комнатой — как он подбросил дневник Тома Реддла в котёл Джинни Уизли, искренне веря тогда, что поступает правильно.

Расчистить путь для Темного Лриста, завоевать славу для семьи Малфой — и к чему это привело? В награду он получил то, что Драко на пятом и шестом курсах ночами напролёт не сомкнул глаз от страха, а Нарцисса полночи сидела в одиночестве перед камином, глядя в пустоту.

Он вспомнил битву в Отделе тайн, когда повёл Пожирателей смерти в Министерство магии на поиски пророчества.

Он думал, что это лучший момент продемонстрировать преданность Темному Лорду, и чем всё закончилось? Тем, что он сам угодил в Азкабан, а положение его жены и сына стало ещё более шатким.

Он вспомнил битву за Хогвартс, когда метался по заполненному заклинаниями двору, всем сердцем моля лишь о безопасности Нарциссы и Драко, и прозрел только тогда, когда оказался на самом краю жизни и смерти.

Люциус понял, что никогда по-настоящему не просил прощения у Нарциссы и Драко. Ни разу.

Он думал, что ему и не нужно извиняться, полагая, что все их жертвы и терпение — дело само собой разумеющееся и составляющее извечную «судьбу людей из рода Малфой».

Лишь здесь, лёжа на постели и чувствуя, как постепенно угасает душа, а слёзы Драко капают ему на лицо, он осознал, как чудовищно заблуждался.

Он не справился с ролью ни хорошего отца, ни хорошего мужа.

Нарцисса вышла за него замуж ещё до того, как ей исполнилось двадцать, и её глаза светились счастьем.

Она следовала за ним с одного приёма на другой, из одного водоворота событий в другой, точно так же прожив больше десятка лет под тенью Темного Лорда.

Она дрожала от страха за него, лавировала в кругах чистокровных магов ради его выгоды, родила ему Драко, а затем собственными руками отправила ребёнка в этот пожирающий людей водоворот.

Она никогда не жаловалась. Она просто проводила долгие ночи в тени, куда не долетал свет

каминного огня, моля о безопасности мужа и сына.

Зрение Люциуса слабело, лицо Драко превращалось из чёткого в размытые очертания, а голос доносился всё дальше, точно сквозь толщу воды.

— Папа! Держись...

Сквозь пелену в голове Люциус расслышал чьи-то быстрые шаги, кто-то кричал «Дорогу!», кто-то оттолкнул Драко.

А затем всё поплыло вниз, весь мир начал медленно и неотвратно погружаться во тьму.

Люциус закрыл глаза.

На дне души осталась лишь одна навязчивая мысль: если бы можно было начать всё сначала.

Это желание упало на дно колодца подобно камешку: сперва без всякого отклика, но прежде чем его сознание окончательно растворилось, со дна поднялось нечто неведомое, расходясь кругами ряби, и в каждом круге мелькала крошечная картинка.

Внезапно эти картины стали ломаться одна за другой, словно разносимые ветром пушинки одуванчика. Люциус протянул руки, чтобы поймать их, но не схватил ничего, кроме пустоты и крошечной тьмы.

Среди мёртвой тишины откуда-то из глубин бездны донёсся слабый, далёкий голос:

— Драко, только очнись, папа выполнит любое твоё желание.

Кто это говорил?

— Умоляю, очнись.

Тьма треснула, сквозь щель пробился свет — тёплый, с ароматом белых роз.

Он вспомнил свою единственную молитву перед угасанием сознания: если бы можно было начать всё сначала.

Люциус резко вырвался из воспоминаний, словно вынырнув из глубокой воды. Его грудь тяжело вздымалась, сердце бешено колотилось о рёбра.

Напряжённое и растерянное после перерождения сердце теперь, когда волна воспоминаний схлынула, омыла чистая, ясная волна раскаяния.

Раньше он слепо верил, что, следуя за Темным Лордом, сможет защитить славу чистокровных, непрерывность рода, всё более тяжёлые золотые хранилища и всё более масштабное поместье.

Он думал, что, удерживая всё это в руках, позволит Нарциссе, Драко и всей семье Малфой вечно стоять на самой вершине.

Как же сильно он ошибался.

Люциус вдруг вспомнил, что в прошлой жизни Драко в этом возрасте никогда не получал серьёзных травм.

Перед поступлением в Хогвартс Драко был полон энергии: лазал по деревьям, гонялся за павлинами, мчался со ступенек верхом на игрушечной метле, и даже если случались какие-то царапины, Нарцисса легко залечивала их одним взмахом палочки.

Он никогда не терял сознание, а тем более не лежал без чувств почти три дня.

Его посетило одно слово — эффект бабочки. Какая-то бабочка, взмахнув крыльями в одном месте, вполне способна вызвать бурю в другом.

Прежний он посчитал бы подобные рассуждения сущим абсурдом: понимание магглами причинно-следственных связей столь же грубо, наивно и поверхностно, как и их технологии.

Но теперь, сидя здесь и глядя на сына, который должен был жить в безопасности и благополучии, но лежал перед ним без чувств, он вдруг почувствовал, что это слово похоже на забралшееся под воротник насекомое, от зуда которого невозможно усидеть на месте.

Неужели это он сам? Неужели сам этот «прыжок» в новую жизнь, совершённый при перерождении, пустил рябь по временной шкале?

Перерождение расшатало предначертанную судьбу, вызвало колебания в потоке времени, и незаслуженная кара в итоге обрушилась на самого невинного Драко?

Люциус чувствовал жгучее желание выложить всё начистоту, рассказать Нарциссе абсолютно всё.

Рассказать ей, что Волан-де-Морт вернётся, что Дамблдор умрёт, Хогвартс превратится в поле боя, а Драко подвергнется нападению. Рассказать, сколько ошибок он совершил, скольких людей подтолкнул к пропасти и как шаг за шагом подвёл всю их семью к самому краю обрыва.

— Сисси, — тихо позвал он, слова уже рвались с языка. — Я вернулся из будущего. — Он даже физически ощущал тяжесть этих слов, перекатывавшихся на кончике языка, но не мог произнести ни звука.

Люциус замер, попытавшись снова, его губы явно шевелились, но сорвавшиеся с них слова оказались совсем другими:

— Сисси, я налью тебе чаю.

Нарцисса не совсем понимала, что происходит с Люциусом — с момента пробуждения он вёл себя странно, но всё же ответила:

— Не нужно, посиди лучше.

Люциус закрыл рот, его пальцы на коленях то разжимались, то сжимались в кулаки, а затем он протянул руку и крепко сжал правое запястье Нарциссы.

Кожа Нарциссы ещё хранила тепло, а под запястной костью ровно бился пульс.

— Примени ко мне Легилименцию, — спокойно произнёс он.

Нарцисса опешила:

— Что?

— Легилименцию, ты ведь умеешь, — тон Люциуса звучал предельно твёрдо. — Загляни мне в голову.

Замешательство Нарциссы стало ещё сильнее. Она выпрямилась, нахмурила брови и с явной настороженностью спросила:

— Люциус, что это значит? Что ты от меня скрываешь?

— Ничего, я просто... — Люциус запнулся. Невидимое препятствие вновь перекрыло ход мыслей, истинная правда застряла в горле. Он хотел сказать: «Я хочу, чтобы ты увидела всё, через что мне пришлось пройти», но вслух сорвались лишь мягкие слова: — У меня есть кое-какие... вещи, которые я не могу высказать вслух. Сама увидишь.